

Александр Петряков КОЛОБОК

Веселый и эротичный детектив без трупов и крови

1

Маша повернулась на спину и проснулась от ощущения чего-то холодного и липкого. Она приподняла веки, но никого рядом не обнаружила. Девушка хорошо помнила, что познакомилась на дискотеке с двумя молодыми людьми, которые вызвались проводить ее до дома, но возле парадной один из них куда-то подевался, а с другим она поднялась по лестнице до двери своей квартиры. Маша не хотела его впускать. У нее был жених, у которого был ключ от ее квартиры. И поэтому боялась, что он там. Но этот парень (как же его звали?) очень нагло вломился вместе с ней в квартиру и сразу же быстрым движением засунул руку куда не надо. Но она не хотела сегодня никакого секса. Вырвалась и сказала, чтобы убирался. Но он и слушать ничего не хотел. Поднял на руки и понес в постель. Что тут поделаешь? Она, конечно, сопротивлялась, грозила, что будет кричать. Но молодой человек оказался очень

решительным: зажал рот и содрал джинсы вместе с трусиками. Сопротивляться уже не хотелось.

Интересно, уже утро или еще ночь? В голове все перемешалось, и от выпитых в клубе коктейлей во рту стоял гадкий привкус. И тут она услышала, как после двух щелчков открывается входная дверь. Маша натянула на грудь и лицо одеяло, и краем глаза, с ресниц которого опадала черная пыльца засохшей туши, стала наблюдать за дверью комнаты. Кто это? Жених Юра или насильник? Появился Юра. Что делать? Закутаться в одеяло и бежать в ванную? Повинуясь этой мысли, вскочила с постели и тут же увидела на простыне влажное пятно. Рывком бросила на постель халат и побежала в ванную.

— Привет, — бросила на бегу жениху, — я сейчас.

Он как-то подозрительно, как ей показалось, на нее посмотрел, а она проскользнула в ванную, встала под душ и стала смывать с себя последствия ночного вторжения неизвестного мужчины. Когда вышла из ванны, то обнаружила жениха на кухне, где он наливал в стакан водку из запотевшей в холодильнике бутылки.

— Ты чего? — спросила она.

— А чего? — сказал он.

— Да ничего, чё ты водку хлещешь?

— Чем бы ни заниматься... А ты, гляжу,

время зря не теряешь.

— Что ты имеешь в виду?

— Сама знаешь.

— Чё, и на дискотеку нельзя сходить, что ли?

— А пришла с дискотеки с кем?

— Да ни с кем.

— Как же ни с кем. Носки-то под кроватью не мои.

— А чьи?

— Вот уж не знаю. Это у тебя спросить надо.

Да и ботинки у меня не сорок пятого размера.

— Какие ботинки?

— Никакие. А вот следы в прихожей сорок пятого размера.

— Ты чё? Ку-ку?

— Ага. Ку-ку. Чужие яйца высиживать не собираюсь.

— Ты чё, совсем с головы съехал? Какие яйца?

Маша вышла в прихожую и с ужасом увидела грязные следы на линолеуме. Что теперь делать? Улики налицо. А если он увидит пятно на простыне? Она вошла в комнату и поняла, что так оно и вышло. Юра стоял у кровати и держал в руках ее шелковый цветастый халат. И смотрел туда, куда не надо. Придется признаваться, подумала она, но решила продолжать отпираться.

— Ну и чё ты туда палишься? — Она вырвала

у него из рук халат, сорвала с постели простыню и ушла в ванную. Там она надела халат и застирала простыню. Все следы ночного приключения, кроме следов от ботинок были уничтожены. Она взяла тряпку и вышла в прихожую.

Там стоял неумолимый Юра. Но его виду и настрою лица Маша поняла, что он готов покинуть ее навсегда. Поэтому она сказала:

— Не хотела тебе говорить, чтобы не расстраивать. Но я не виновата. Меня изнасиловали.

— Кто?

— А вот не знаю. Меня двое провожали. Потом один отстал, а другой увязался. Ты юрист, вот и разбирайся.

— Не морочь мне голову. Я тебе не верю. Ты что, не помнишь, как он выглядел, во что одет, не спросила, как зовут?

— Помню, а вот как зовут, не спрашивала. И вообще: если ты мне неверишь и не хочешь разобраться, я вызываю милицию.

— Валяй. А я ухожу.

— Как это ухожу? Ты ж свидетель.

— Чему я свидетель? Разве я со свечкой, как говорится, стоял? Да ты к тому же все следы насилия уничтожила.

— А это что? — Она показала на следы в прихожей, которые она минуту назад хотела

вытереть тряпкой. Маша швырнула ее в угол и решительно направилась к телефону.

Когда в дверь позвонили милиционеры, Маша была уже одета в джинсы и облегающую футболку и красила губы. Юра, угрюмый и насупленный, сидел на кухне и приканчивал бутылку, меланхолично жуя соленую черемшу.

Рыжий следователь, взмахивая прозрачными на вид ресницами, пригнувшись, вздрагивая крыльями красного мясистого носа, прошел в комнату, осмотрел, сел за стол и раскрыл папку.

— Рассказывайте, — сказал он, и затем, обращаясь к помощнице, — снимите отпечатки.

Долговязая девица с выступающей вперед челюстью уже и без этих слов занялась своим делом, открыв чемодан со своими принадлежностями.

— Скажите, — обратился следователь к Маше, — у вас ничего не пропало?

— Я не проверяла.

— Ну, так, на первый взгляд. Деньги, драгоценности.

Она подошла к туалету из красного дерева, где в одном из ящичков она хранила свои украшения. И когда открыла его, схватилась за голову. Ящичек был пуст!

— О Боже! — Вскрикнула Маша. — Все пропало!

— Ну вот, — с удовлетворением сказал следователь, — составьте список пропавших вещей, мы внесем это в протокол.

Маша стала писать на чистом листе перечень украденных драгоценностей, и слезы капали на бумагу, оставляя на ней свои соленые следы. Особенно жалела о пропаже кулона с бриллиантом и сережек из белого золота, тоже с бриллиантами.

Следователь составил протокол и предложил Маше поехать на экспертизу. Для порядка. А вообще был уверен, что это «глухарь». Так на языке милиционеров и следователей, как известно, называется нераскрытое преступление. Действительно: улик никаких, кроме грязных носков под кроватью и следов от обуви, а все прочее уничтожила сама потерпевшая. Зацепится тут не за что, разве что отпечатки окажутся в компьютерной базе. Что маловероятно, потому что, судя по всему, никакого насилия тут не было. Банальная история. Привела с танцев парня, а когда явился жених, решила таким образом оправдаться. Но, похоже, жених в это не верит. И правильно делает.

2

Машин жених, юрист Юрий Павлодаев, тем временем отправился в офис, где служил

юрисконсульт в строительной фирме, которой руководил его родной брат Максим. Фирма строила жилые дома на деньги будущих жильцов. Торговля недвижимостью приносила солидную прибыль, и брат Максим, как говорится, процветал и срывал все доступные ему цветы жизни. Павлодаевы имели кавказские корни, и старший брат был пронырлив, активен и умел постоять за себя. А младший, Юрий, Машин жених, родившийся и выросший в северной столице, был подобен тепличному растению. Он так и не сумел, несмотря на все старания его матери, вписаться в северный пейзаж. Ему были чужды забавы сверстников, особенно зимние. В детстве, когда ребята околачивали снежками сосульки или рысили по реке на лыжах, он зяб в квартире, смотрел телевизор или читал книжки. Словом, жил в этом городе застенчивым гостем.

Зато его брат был в полном смысле хозяином жизни. Крепкий, упитанный, коротконогий, он самодержавно восседал в своем директорском кресле. Уверенность и довольство читались на его лице, когда он подписывал бумаги или бросал короткие фразы в телефонную трубку. Свою секретаршу Светлану он всегда встречал похотливым взглядом, и на его губах появлялась глуповатая ухмылка. Он развлекался с ней не у себя в кабинете, как чаще всего делают его коллеги, а ездил к ней на квартиру, благо та жила одна,

снимала жилье, потому что приехала в Питер из Любани. Максим взял к себе юрисконсульту брата, и это было хорошо во многих отношениях. Первое: родственник трудоустроен. Второе — удобно и безопасно в смысле конфиденциальности. Все секреты в семье. А секреты были. Договоры с потенциальными жильцами заключались на очень выгодных для фирмы условиях, и с такими юридическими подвохами, что даже если они окажутся обманутыми, фирма особой ответственности не несла. Хотя Павлодаеву незачем было обманывать ожидания дольщиков. С поставщиками стройматериалов Павлодаев младший составлял очень толковые договоры, по которым товар приобретался по низким и стабильным ценам. И это тоже хорошо. Еще один способ добывания прибыли лежал в другой плоскости — банковской. Иными словами, деньги дольщиков «крутились» и обрастали процентами, как брошенная в цистерну с молоком деревяшка обрастает в пути вкусным и свежим сливочным маслом. Обещанные сроки окончания строительства поэтому переносились на год или даже два, и это было, конечно, мошенничеством. Жаждающие скорого заселения дольщики от этого страдали, но поделать ничего не могли, потому что договоры предусматривали задержки строительства по объективным причинам.

Жена Максима, Наташа, как многие супруги богатых людей, была домашней хозяйкой, и все свое свободное время отдавала уходу за своим телом и походам по модным бутикам. Обычное дело. Вставала поздно, часами проводила время в ванне, где холила свое роскошное тело. Наташа была рыжей и белокожей, среднего роста, с широкими, влекущими бедрами и большой, четвертого размера, грудью, украшенной мелкими веснушками. После омовений и процедур любила ходить по дому в коротком атласном халатике без нижнего белья. Это было удобно и в то же время слегка возбуждало. В один из таких дней, когда она лежала в гостиной на белокожем диване и просматривала журнал мод, раздался звонок, и она пошла открывать дверь в развевавшемся при каждом шаге халате, думая, что это муж. Он иногда заезжал в течение дня, чтобы перекусить. Но за дверью, когда она ее распахнула, стоял незнакомый крепко сбитый молодой человек очень приятной наружности. Он сказал, что доставил неоплаченную бандероль. И если она хочет ее получить, пусть заплатит пятьдесят три рубля двенадцать копеек. Она впустила его, и когда закрывала дверь, халатик распахнулся, и у почтальона заблестели глаза. Наташа усмехнулась и пошла в гостиную за деньгами. Мелких денег не было, она взяла пятисотрублевую банкноту и подала молодому

человеку. Он криво улыбнулся и сказал, что у него нет сдачи. Уловив его похотливый взгляд, она покраснела и сказала, что у нее других нет, и чтобы он зашел завтра. Не желая непредвиденного развития событий, она указала ему на дверь, и когда он ушел, почувствовала себя очень возбужденной. И, когда час спустя, пришел Максим, она набросилась на него, к его удивлению, прямо в прихожей. Они даже не добрались до спальни, устроившись на белом кожаном диване в гостиной.

На другой день примерно в то же время раздался звонок, и Наташа посмотрела в глазок. За дверью стоял давешний почтальон, но не один, а с высоким и очень симпатичным молодым человеком. Открывать или нет? Она была в мужниной клетчатой рубашке, и решала, пойти ли ей переодеться, или вообще не открывать. Очень ей нужны эти бандероли. Но дверь она, конечно открыла. Такие симпатичные мальчики... Такие возбуждательные...

Они вошли, почтальон положил бандероль на столик и стал снимать куртку. А его приятель, ни слова не говоря, приступил сразу к решительным действиям. Он взял ее на руки и отнес на диван, затем, благо она была без нижнего белья, моментально (и когда успел возбуждаться?) ею овладел. Она хотела закричать, но не успела, потому что почтальон закрыл ей рот. Кричать уже

не хотелось. «Если тебя насилуют, — пронеслась у нее в голове женская аксиома, — расслабься и получи удовольствие». И через минуту Наташа стонала от страсти и получала удовольствие, какого не знала ранее. Сделала вывод, что экстремальный секс дарует подлинное наслаждение.

Но когда все закончилось, она осознала, что ее изнасиловали. И это взывало к отмщению. Но как отомстить? Вызвать милицию? Но тут вполне ясно, что делать это совершенно бессмысленно. Их двое, и они сбегут, не дожидаясь милицейского наряда, который раньше, чем через час, вряд ли явится. Задержать их тут можно только обманом. И она решила все-таки вызвать милицию. Предложила парням выпить, поставила на стол бутылку виски и сказала, что пойдет в ванную. Все было классно, и она на них не в обиде.

Стоя под душем и глядя на мобильник, который краснел на стеклянной полочке, Наташа стала колебаться. Звонить или нет? И опять передумала, потому что сообразила, что смывает сейчас следы преступления. Когда вышла из ванной в гостиную, там уже никаких следов пребывания тинейджеров не было. Не оказалось на столе также бутылки виски. Она сильно удивилась. Неужели ей все это пригрезилось? Однако в прихожей, на столике, лежала бандероль. Стало быть, они считают, что я расплатилась, возмутилась она.

Неужели эти поганцы думают, что мне цена пятьдесят три рубля двенадцать копеек? Но воспоминание о случившемся приятном происшествии подавило в ней возмущение, и она успокоилась.

На другой день тинейджеры явились снова и спросили, понравилось ли ей проводить с ними время? Она ответила вопросом на вопрос: зачем они уперли бутылку, и вообще, почему смылись по-английски? Почтальон ответил, что торопились. А теперь у них есть в запасе целый час, и они хотят это время провести так же, как и вчера. Оба при этом ухмылялись. И опять, не дав ей опомниться, стали тискать и лезть за пазуху. Она вывернулась и сказала, чтобы они были паиньками. Взяла их за руки, как школьников, и отвела в спальню. На этот раз она получила гораздо больше удовольствия.

Когда мальчики ушли, не дав внятного ответа, когда придут в следующий раз, и придут ли вообще, она задумалась. То, что она изменяла мужу, ее мало волновало. А вот если они поселили в нее спирохету или СПИД, это уже серьезно. Надо сдать анализы, решила она. И еще, подумала Наташа, надо будет вечером заглянуть к Ирине Романовне, которая жила двумя этажами выше. Ирина Романовна была одинокой женщиной и работала судьей в районном суде. Она всегда ласкающим взглядом смотрела на Наташино декольте, когда

она приходила к ней попить чайку. Странно, что с этой полной и некрасивой женщиной у Наташи сложились очень доверительные отношения, и она всегда с ней советовалась по всяким житейским делам. Болтали они, конечно, и о мужчинах, хоть Ирина Романовна эту тему не поддерживала. Этот случай нечаянного прелюбодеяния Наташа решила поведать соседке от третьего лица.

Но прозорливая Ирина Романовна, когда Наташа пришла к ней вечером и рассказала описанную историю, сразу поняла, что тут не все чисто, и наводящими, хитро поставленными вопросами (не забудем, что она была судьей), принудила Наташу признаться, что героиней этого рассказа была она сама. Ирина Романовна посоветовала Наташе познакомиться с этими мальчиками поближе (да уж куда ближе, хмыкнула Наташа) и выяснить их имена и фамилии.

3

Борис Ильич Вагинсон, гинеколог, принадлежал к тому типу людей, которые нигде и никогда не теряют своей выгоды. Он работал одновременно в поликлинике, стационаре, институте и экспертом в уголовной милиции. Он уважал свою профессию не только из-за зарплаты, но и потому, что страстно любил исследовать

глубины женской природы. И некоторые благодарные пациентки вознаграждали его с помощью тех органов, какие он исследовал и успешно лечил. И не удивительно: Борис Ильич был молодым жгучим брюнетом выше среднего роста.

В тот день, когда на предмет экспертизы по поводу изнасилования в его кабинет пришла Маша, у Бориса Ильича было очень хорошее, и даже игривое, настроение. Усадив пациентку в специальное, хорошо знакомое всем цивилизованным женщинам, кресло, он замурлыкал какой-то приехавший в голову модный мотивчик, и, вооружившись инструментами, приступил к работе. И выяснил, что половое сношение имело место быть, но очень сомнительно, что оно было насильственным. К этому выводу его подвигли опыт, совмещенный со знаниями специалиста в этой области медицины. Что ж, подумал он, девочка блефует с корыстными целями, и этим не грех воспользоваться. Такое в его практике случается не впервой. Если дама была хорошенькая и игривая, он без особого труда договаривался о приватном свидании в обмен на нужное заключение. Бывали случаи, когда справка обменивалась на пухлый конверт, и это было основополагающим стимулом в его работе. Правда, основной доход ему приносила работа в клинике,

где он успешно и без ошибок (ни одного пока неудачного случая) прерывал беременность без всякой боли.

А сейчас он с лукавой усмешкой посмотрел на Машу и сказал:

— Ну а теперь расскажите, как все произошло, и какие меры принуждения применил преступник.

— Пистолет, — сказала Маша, — он приставил мне пистолет вот сюда, — она показала на свою грудь, слева, где сердце, при этом как бы случайно расстегнула верхнюю пуговицу блузки.

— Понятно, — ответил Борис Ильич, — это вы расскажете следователю, а по моей части все чисто. Никаких следов насилия я не обнаружил. Половой акт имел место быть, но, по моему заключению, не насильственный.

— Как это? Выходит, я вру?

— Не знаю. Пусть следователи разбираются. Мое дело — экспертиза.

— И вы эту ерунду напишете в справке?

— Могу и другую ерунду, — рассмеялся врач.

— Да уж лучше другую, — она поняла намек и тоже разулыбалась.

Чтобы подтвердить свой интерес, Борис Ильич подошел к Маше и указательным пальцем провел по очертаниям бюстгальтера.

— Ага, — сказала Маша, — значит, вы хотите

пригласить меня на свидание.

— Если вы не против.

— А справка?

— Само собой. Если свидание пройдет успешно.

Встреча состоялась уже вечером в подвальном ресторане, утонувшем ниже асфальта метра на два. Из маленьких окошек были видны только обувь прохожих и пыль. Душновато и неуютно. Стеклянные столики и шелест на них бумажных салфеток от повешенного под потолком уродливого вентилятора. Шепотливые тайны ветра. Букетик рысящих от дуновений фиалок, блудливые края салфеток, мечущиеся на руках спутника черные волоски, щекотка от легкого движения шарфика на шее и приятное течение по декольте возбужденного воздуха.

Пили шафранового оттенка шампанское, выгрызали ластящихся к языку устриц. Борис Ильич игриво шутил на темы своей профессии. Помните, говорил он, в сочинении Гоголя «Мертвые души» Собакевич извещает собеседника, что устрицу он и в рот не возьмет, он знает, на что она похожа. В чем тут юмор, Маша не вдруг поняла.

Неуютное пространство полупустого зала, шелковистая мелодия скрипок, идущая из черных, под потолком, квадратов репродукторов, стук

каблуков официанток по сиреневым плиткам пола. Скука смертная. А ведь еще предстоит оказание сексуальных услуг этому горбоносому гинекологу, и она подумала, что не слишком ли это высокая цена за возможность доказать жениху свою мнимую целомудренность?

Когда они вышли из такси и направились к уходившему за высокие деревья дому, огороженному высоким чугунным забором, бросавшим ажурную тень на проезжую часть, она еще раз засомневалась: нужно ли ей идти в гости к Борису Ильичу, следует ли топтать таким способом тропу к святому семейному очагу? Ведь пока еще не поздно отказаться, повернуть назад и уйти. Она колебалась, но они уже вошли в большой освещенный двор с руинами фонтана и поломанными скамейками, бросавшими свои уродливые тени на неровную брусчатку. У парадной появился высокий человек, и его огромная тень скользнула по рыжей стене дома. Было ощущение просмотра кадров триллера, не хватало только зловещей музыки. Тень незнакомого человека застыла на стене, когда они подошли к входной двери, и оставалась неподвижной, пока гинеколог открывал ее магнитным ключом. Затем тень сломалась, и ее острые углы устремились к двери. Прямо Хичкок, подумала Маша, и в эту секунду рядом ними высветился хозяин тени —

молодой парень в вязаной на голове шапке и темных очках. На плече его висела сумка, из которой торчали газеты. Он скалил сверкавшие на свету красивые зубы и явно намеревался пройти вместе с ними в открытую дверь. Борис Ильич хотел было что-то у него спросить, но тот уже протиснулся в проем и сказал:

— Я почтальон. Спасибо.

Гинеколог удивился:

— Почтальон? Кто разносит почту в такое время?

— Я студент, подрабатываю. Раньше не получается, — парень с веселым хохотком продолжал излучать обаяние.

Борис Ильич неуверенно пожал плечами, и все трое вошли в парадную. Маше показалось, что она уже раньше слышала этот характерный хохоток, да и белозубая улыбка кого-то ей смутно напоминала.

Парень легко взбежал по ступенькам, ведущим на площадку первого этажа, открыл свою сумку, швырнул на пол пачку рекламных газет и затем очень быстро извлек цепь с двумя шариками на концах. Он продолжал скалиться.

— Это ограбление, — с тем же веселым смешком, — давайте-ка, господин ухажер, содержимое кошелька, а вам, мисс, эти сережки совершенно не к лицу.

Крашенная темной тусклой краской цепь в руках грабителя стала угрожающе вращать тяжелые шарики.

Борис Ильич инстинктивно попятился, потом по-рыцарски заслонил Машу и сказал:

— Не делайте глупостей, молодой человек.

И тут Маша пронзительно завизжала. Грабитель стремительно сбежал по ступенькам, ударил гинеколога по голове, и тут же закрыл Машин рот широкой ладонью. Стали открываться двери квартир на первом этаже, и молодой человек быстро нырнул к выходу и скрылся. Борис Ильич присел на корточки, прижал руку к голове, а Маша снова закричала. Из ближней квартиры выбежал мужчина в пижаме и ринулся к захлопнувшейся двери парадной. Но грабителя во дворе уже не было. Его фигура мелькнула сквозь решетку и исчезла. На лестничную площадку тем временем выходили жильцы первого этажа и окружили сидящего на полу гинеколога. Маша попыталась выйти из окружения, но какая-то толстая женщина толкнула ее необъятной грудью и спросила:

— Это ты орала?

Маша, всхлипывая, рассказала, что на них напал этот парень. Сказал, что он почту разносит, студент, мол, подрабатывает. Тут же вызвали скорую помощь и милицию. Борис Ильич поднялся на ноги и попросил не вызывать никакой милиции и

скорой. С ним ничего серьезного не стряслось, к тому же он сам врач. А сбежавшего уже не поймать. Он, понятно, не хотел огласки. Квартира, куда он водил женщин, была не его собственная, а съемная. Собственная у него тоже имелась, и там проживали, кроме него, жена и двое курчавых мальчиков, восьми и четырех лет. Поэтому ему очень не хотелось, чтобы эта история со съемной квартирой достигла ушей жены, которую по иронии, как говорится, судьбы, тоже звали Машей.

Но звонок прозвенел «Там, Где Надо» (незабвенный «Чонкин»!), а именно в энном отделении полиции Петроградского района, ибо происшествие случилось на Каменноостровском проспекте, каковой в советское время назывался именем красного губернатора Сергея Кирова. Так что машина следствия была запущена, и если даже Борис Ильич очень бы захотел добровольно покинуть место преступления, ему это попросту не дали бы сделать собравшиеся на лестничной площадке.

Первой приехала скорая помощь. Бориса Ильича его коллеги осмотрели, но ничего, кроме шишки на лбу, не обнаружили. Он остался дожидаться наряда милиции и дежурного следователя, каковые и подъехали минут сорок спустя, как уехала скорая.

Следователем оказалась женщина. Лет ей на

вид было около тридцати, и особой красотой не отличалась, хотя была и по-своему привлекательна, — нежный овал лица, опущенные длинными ресницами карие глаза, но фигуру портили короткие ноги и вызывающе широкие бедра. Шажки у нее были быстрые и смешные. Ее помощник, флегматичный молодой человек, озирался на стены и морщил лоб. Он держал в руках серый чемодан, который не знал куда поставить, а потом пристроил на подоконник.

— Надежда Ивановна, — спросил он, — можно начинать?

— Да не торопись, студент.

Она весьма строгим взглядом обвела группу собравшихся на площадке соседей, а потом, приподняв бровь, кинула взгляд на Бориса Ильича.

— Значит, вы пострадавший, — обратилась она к нему, а вслед кинула помощнику:

— Запиши адреса свидетелей и пусть покинут место преступления.

Когда люди рассосались по своим квартирам, причем их двери по причине любопытства остались не до конца закрытыми, Надежда Ивановна приступила к допросу потерпевших.

— Шарики на цепочке? Оригинал, нечего сказать. Акунина, видать, начитался, — следовательница писала протокол допроса, примостившись на ступеньке, подложив под себя те

самые брошенные преступником рекламные газеты.

Во время допроса Борис Ильич очень нервничал. Он не хотел, как уже говорилось, огласки, поэтому говорил Надежде Ивановне, что лучше вообще уголовного дела не заводить, потому что все равно оно окажется «глухим». Но та усмехалась, качала головой и возражала, что рано или поздно так называемый почтальон где-нибудь да проколется.

4

Светлана Рязанцева, секретарша (по штатному расписанию — делопроизводитель) Максима Павлодаева была родом из Любани, и на выходные всегда приезжала к матери, если, конечно, шеф не просил остаться, чтобы заехать к ней, когда его жена Наташа делала в субботу визит своим родителям, жившим на другом конце города. Но такое случалось редко, и поэтому Света садилась в пятницу вечером на электричку, и через пару часов входила в скрипучую дверь небольшого, деревянного, крашеного охрой, родного дома. Здесь прошло ее детство. Мать Светы замужем никогда не была, да и не слишком к этому стремилась, в отличие от многих других женщин. Она ставила приоритет женской свободы выше семейного рабства. Мужчины, хоть и занимали в ее жизни не

последнее место, однако никому из них не удавалось поселиться в ее сердце надолго. Дочку она родила, когда ей было уже далеко за тридцать. Ее бабка была, как тогда говорили, ворожеей, причем потомственной (ее мать, любанская мещанка Пелагея, привлекалась полицией по обвинению в колдовстве). Ну а мать Светы, Вера Олеговна, говорила, что бабка передала ей все секреты ведовства и гаданий. У Веры Олеговны был спрятанный за занавеску старинный книжный шкаф, где стояли потрепанные, изданные до революции, книги по магии. Тусклое золото их корешков тонуло в глубине полок, которые служили также пристанищем сотен всяких баночек и мешочков, где хранились всевозможные сушеные травы, а также те самые колдовские предметы, какие обязаны быть у всякой ворожеи. А это, если читатель смотрел фильмы о колдуньях, вещи странные и всегда вызывающие пугливое любопытство, — змеиная кожа, к примеру, сушеные жуки, какие-то косточки, спутанные клубочки выпавших волос, куриные лапки, свиные копытца и все такое прочее.

К услугам Веры Олеговны прибегали не только местные жители, к ней приезжали и из Питера. В основном, конечно, женщины, которые хотели приворожить того или иного мужчину. Но были среди ее клиентов и представители сильной

половины человечества. Помогало ли обрести счастье шептание на воду и сделанные неизвестно из чего порошки, сказать утвердительно никак нельзя. Но если обстоятельства складываются так, что мечта клиентки сбывается, то авторитет гадалки растет, а вместе с этим растет и число тех, кто хочет повернуть фортуны к себе лицом.

Так что, когда приехала дочь, Вера Олеговна была занята с очередной несчастной дамой, муж которой изменяет ей со своей секретаршей. Каково же было Светино удивление, когда из комнаты, где ее мать проводила встречи с клиентами, вышла Наталья Сергеевна, жена ее босса. Она тоже очень удивилась, увидав тут секретаршу мужа. От неожиданной встречи обе соперницы минуту разглядывали друг дружку, соображая, как они могли тут встретиться. Хотя, догадаться было не трудно, — обе женщины нуждались в помощи ворожеи, потому что одна из них была женой Максима Павлодаева, а другая — любовницей. Первой заговорила Света:

— Ой, Наталья Сергеевна, это вы?

— Да, Светочка, а вы тут тоже...

В это время появилась Вера Олеговна и, увидев дочь, обняла ее и сказала:

— Ой, доченька, а я и не услышала, как ты пришла.

И добавила, обращаясь к Наталье Сергеевне:

— Дочка моя, Светочка.

— Интересно. Ничего не скажешь. А я уж подумала...

Светлана перебила ее:

— Нет, нет, что вы. Мне не надо.

— Чего не надо? Ну да, конечно. Зачем тебе, если у тебя такая мама. Ну, я пойду, боюсь, на электричку опоздаю.

И она решительным шагом вышла. Света сначала подумала, что жена шефа приехала по ее душу, на разборку, но потом поняла, что это случайное стечение обстоятельств. Но почему она приехала в Любань? В Питере достаточно гадалок и экстрасенсов. Может, она кому-то проболталась насчет занятий своей матери, и об этом узнала Наталья Сергеевна? Все было как-то непонятно.

Вера Олеговна между тем внимательно посмотрела на свою дочь и спросила:

— Ты ее знаешь? Это кто?

— Жена моего шефа.

— Вон оно что! Так это, значит, я на тебя порчу наводила! Господи, что ж это я натворила! Ну-ка, раздевайся и пошли скорей, надо теперь с тебя порчу снимать. Господи, что же делается на белом свете!

Света относилась к занятиям матери с иронией, если не сказать больше. Она едва ли всерьез верила, что все эти заговоры, шептания,

травки и порошки могут как-то повлиять на ход человеческой судьбы. Она верила, что не только браки, но и разводы, происходят на небесах. Иногда она заходила после работы в храм, ставила свечи и молилась, читая про себя текст, написанный церковнославянским шрифтом под иконами. Мать же ничуть не сомневалась в своих способностях, и приводила сотни примеров, когда ее умелые действия приводили к нужному результату.

Света на этот раз покорно и без обычных пререканий пошла вслед за матерью в соседнюю комнату, где та усадила ее в широкое, покрытое разноцветной накидкой, кресло, зажгла свечи и стала чародействовать: покурила ладаном, сожгла какие-то травы, потом зашептала заговор и все такое прочее.

Наталья Сергеевна, между тем, тряслась в электричке и думала о том, что напрасно поехала в Любань по совету подруги, которой эта Вера Олеговна якобы помогла вернуть мужа. Теперь-то она поняла, что будет еще хуже, коль скоро соперница-то, оказывается, дочь гадалки. Теперь та такого наворожит, что мало не покажется. Это несколько напугало, однако, ненависть к сопернице еще больше подогрелась этим обстоятельством. И в голове Натальи стал вызревать новый план. Ясно, что к гадалке она приехала зря. Устранять секретаршу надо другим способом.

Когда Наташа приехала домой, муж в футболке и шортах лежал на кожаном диване в гостиной и смотрел телевизор, потягивая пиво прямо из бутылки. Другая, уже пустая, стояла на полу в соседстве с носками. На кресле висели рубашка, пиджак и галстук. Наташа терпеть не могла этой мерзкой привычки Максима разбрасывать свои вещи, где попало. И сразу пошла в атаку:

— И когда только ты перестанешь устраивать бардак? Мало в доме шкафов? Неужели трудно повесить одежду на плечики? А уж твои грязные носки меня просто достали.

На мужа эти привычные монологи никак не действовали. Он меланхолично сосал свое пиво и смотрел футбол. Но счел нужным огрызнуться:

— Если тебя это раздражает, возьми и убери.

— Я тебе что, прислуга?

Ну и так далее, пусть читатель сам представит дальнейший монолог жены, которая пилит мужа. Но, в конце концов, даже самый флегматичный мужчина не выдерживает. И Максим уже намеревался трахнуть об пол бутылкой так, чтобы стекло зелеными брызгами ударило по стенам, но тут раздался звонок в дверь. Наталья пошла открывать. По привычке, глянула в глазок и обомлела. За дверью стояли почтальоны-тинейджеры. А ведь она говорила им,

чтобы по выходным не приходили. Что делать? Открыть дверь? Так они сразу дадут понять мужу, зачем они сюда ходят. Нет, пусть открывает Максим, так они все поймут и уйдут.

— Там какие-то пацаны, спроси, что им надо, — сказала она мужу.

Максим увидел в глазок ухмыляющиеся, наглые и похотливые рожи, и спросил, кто там. Они ответили, что принесли телеграмму. Он открыл дверь, взял телеграмму, расписался, но мальчики не уходили и ухмылялись. Максим понял, что они ждут чаевых. Он крикнул жене:

— Наташа, расплатись за доставку, — и пошел в гостиную.

И, уже лежа на диване, услышал странную в прихожей возню и хихиканье. Потом хлопнула дверь, и в гостиную вошла Наташа с румянцем на щеках. Происхождение такого раскраса на лице своей супруги ему объяснять было не нужно. Ну и ну, подумал он, неужели ее на юнцов потянуло? Максим усмехнулся, и ему в голову пришла шальная мысль. Обыкновенно жены прячут любовников в шкаф от своих мужей. А не спрятаться ли мужу в шкаф, чтобы застукать жену на месте преступной измены?

В кабинете следователя Игоря Андреевича Макарова сидела знакомая нам Надежда Ивановна, курила и вываливала кучу сплетен о начальстве.

— Что и говорить, — вздохнул майор Макаров, — коррупция достигла опасного предела. Ладно, что там у нас с мелочовкой?

Надежда Ивановна рассказала о нападении на гинеколога и Машу, при этом обратила внимание начальника, что эта самая девица проходит по явно дутому делу об изнасиловании. По ее мнению, не случайно она оказалась с врачом-экспертом. Ей надо было от него, чтобы он подтвердил факт изнасилования, которого, ясно, как Божий день, никакого не было.

— Да, — подтвердил Макаров, — похоже, девчонка блефует. А врач описал преступника?

— В общих чертах: высокий, длинноногий, одет во все черное, лет на вид двадцать. На цвет глаз не обратил внимания, лицо описывает как узкое. И еще он, да и соседи подтверждают, что по двору преступник бежал невероятно быстро, как спортсмен на соревнованиях, со скоростью мотоцикла. При этом как будто лязганье какое-то слышалось. А вот девчонка чего-то не договаривает. Мне показалось, она с преступником знакома. Или, может, видела его где-то раньше. Мне так кажется. Потому что она, якобы от страха, ничего не видела: ни как он был одет, какого роста

и вообще никаких особых примет. Заметила только, как шарики мелькали у него в руках, и все.

— Зацепки есть?

— Немного. Вся надежда на соседей.

— Ну, работайте, Надежда Ивановна, работайте.

Когда она ушла, Макаров почесал затылок, подошел к сейфу, открыл, вынул оттуда початую бутылку коньяка и налил в стакан на четверть. Выпил и закурил. Зазвонил телефон.

— Привет, Юра — сказал в трубку Игорь Андреевич. — Через полчаса? Да, буду у себя, подъезжай.

Звонил младший Павлодаев, с которым у Макарова давно сложились дружеские отношения. Он оказывал ему некоторые услуги. Ох, не безвозмездно! Майор вздохнул и покачал головой. Вот ведь проклятая работа! Сплошной соблазн. Хотя, если посмотреть с другой стороны, то почему бы и нет? Он скачивал Юре нужную ему информацию, и от этого никто не подвергался никакой опасности. Хотя, конечно, если вдуматься, это не совсем так. Ну вот, к примеру, Юрин брат покупает кирпич по низкой цене у господина Н.Н. А почему? Потому что сын господина Н.Н. находится под следствием по обвинению в хранении и сбыте наркотиков. И в его, майора, власти, это дело закрыть за недостатком состава

преступления. Правда, сын господина Н.Н. наверняка возьмется за старое, и от его уголовно-наказуемых действий могут пострадать невинные люди. Вот такая тут складывается сложная причинно-следственная связь. А дальше выстраивается обычная цепочка пострадавших: конкурирующая фирма, которая не имеет возможности покупать стройматериалы по низким ценам, покупатели квартир, переплачивающие за свое жилье, наркоманы и их жертвы и т. д.

Майор вздохнул и стал просматривать бумаги. Когда пришел Юра, он изучал заявление потерпевшей от изнасилования и показания ее соседей. Юра устало сел на стул, протер глаза и покачал головой. Было видно, что у него неприятности.

— Ну, и видок у тебя, — сказал Игорь Андреевич, — стряслось что?

— Стряслось. Потрясение, можно сказать, всей жизни.

— Ну, рассказывай.

— Машка, понимаешь, уверяет, что ее изнасиловали. Но мне думается, врет. Вот я и пришел к тебе выяснить. Тогда на место, так сказать преступления, приезжал какой-то рыжий. Не к тебе это дело попало?

— Может, и ко мне. Дел-то, видишь, — он махнул рукой на груду папок на столе. Как фамилия

невесты-то, пострадавшей?

— Переделкина.

— Хорошая фамилия. Подходящая к ситуации. И вот надо же, какое совпадение! Как раз то самое дело и изучаю. Прямо телепатия.

— Ну и что, эксперт подтвердил факт насилия?

— Очень убедительно. Твоя Переделкина вчера вечером оказалась еще на одном месте преступления. И что удивительно — в обществе эксперта-гинеколога.

И Макаров рассказал историю несостоявшегося ограбления в парадной дома на Каменноостровском проспекте.

Жених Маши слушал, раскрыв рот. И если он до прихода сюда, хоть и с трудом, верил Маше, то теперь картина прояснилась. Макаров посмотрел на погрустневшего приятеля и улыбнулся:

— Не переживай. До свадьбы заживет.

— Ты что издеваешься? Какая теперь свадьба?

— Это я иносказательно, не обижайся.

Юрий Павлодаев имел к майору Макарову еще одно дело, связанное с бизнесом брата, но теперь ему было не до того. Он вышел из кабинета и поехал домой, чувствуя боль в сердце и жгучую обиду.

Тем временем Надежда Ивановна подъехала к дому на Каменноостровском, чтобы допросить

жильцов. Утро уже давно вступило в свои права. Небесный свод был чист, и яркое солнце несло благостное тепло. Прекрасное утро! Со вздохом вошла Надежда Ивановна в темную парадную дома и стала звонить в квартиру на первом этаже. Никто не открыл. Позвонила в следующую. Вышла молодая женщина с ребенком на руках и пригласила войти. В квартире пахло стиральным порошком, и из открытой ванны слышался шум воды.

— Стираете? Я вас надолго не задержу. Только несколько вопросов.

— Да ничего я не видела. Слышала только, как эта сумасшедшая девушка визжала. Ну и вышла посмотреть на площадку. А там уж народу много было.

— Так вы преступника-то видели?

— Да. Из окна, когда он по двору бежал. Очень быстро, просто как будто на мотоцикле ехал.

— Дался вам всем этот мотоцикл.

— Да я серьезно, — настаивала молодая женщина, — никогда такого не видела.

Когда следователь опросила еще троих соседей, ей стало ясно, что никто толком преступника не видел, и никаких особых примет, кроме того, что был высокого роста и передвигался с большой скоростью, замечено не было. Сопоставляя уже известные ей похожие

преступления, она приходила к выводу, что этот молодой бегун был, вероятно, спортсменом. Скорее всего, студентом института физкультуры, коль скоро он промышляет мелким уличным разбоем. И она решила туда наведаться.

В отделе кадров ей показали личные дела перспективных легкоатлетов, и она обратила внимание на широкоскулое волевое лицо одного из студентов. С этой маленькой фотографии, вклеенной в уголок картонной карточки, на нее смотрел юноша с обиженным выражением лица и упорным насмешливо-нагловатым взглядом; маленький скошенный лоб, темные густые волосы не скрывали больших, как у Чебурашки, торчащих в разные стороны ушей. Надежда Ивановна заинтересовалась этим молодым человеком по двум причинам. Во-первых, он подходил под категорию «преступные типы», описанные Ломброзо, а во-вторых, он ей просто понравился. Она прочла, что это Древяскин Михаил Дмитриевич, двадцать лет, уроженец Одессы. Затем навела справки в ректорате, и узнала, что Древяскину прочат чемпионские успехи уже в ближайшем будущем, он один из самых способных студентов, и если бы больше тренировался, достиг бы замечательных результатов. Надежда Ивановна попросила вызвать его для беседы, но это оказалось невозможным, — студента на занятиях не было.

Наташу разбудил дверной звонок. Она всегда вставал поздно, и очень не любила, когда ее будили. Мужа она, как другие жены, на работу никогда не провожала и завтраки ему не готовила. Максим сам стряпал себе яичницу или что еще, пил кофе и на цыпочках удалялся, стараясь закрывать дверной замок как можно тише. Иногда с утра пораньше наведывался к секретарше Светлане, которая ублажала его также и овсянкой.

Наташа посмотрела на часы. Десятый час. И кого это несет в такую рань? Она глянула в глазок. Опять эти тинейджеры. Пускать или нет? Ох, что-то не хочется. Во, опять названивают.

После некоторого колебания она сказала через дверь, чтобы подождали пять минут, ей надо одеться. Ополоснув после сна лицо, и быстро приведя себя в порядок, она впустила любовников. Наташа еще до конца не проснулась, и ей вовсе не хотелось сейчас заниматься любовью.

— Вот что, мальчики, — сказала она, — не думайте, что вы нашли во мне бесплатную шлюху. Что было — то было. Больше не приходите. Пока, мальчики.

И она двинулась к двери. Оказавшиеся за ее спиной молодые люди схватили ее за шею и бедра и

поволокли к дивану. Они связали ей руки лежавшим на кресле красным галстуком, и высокий парень сказал:

— Если будешь орать, наставлю синяков, — и он показал кулак, — мы вообще-то не за тем пришли.

— Подонки! Немедленно развяжите!

И тут в прихожей открылась дверь гардероба, и оттуда выскочил Максим, сжимая в руках хоккейную клюшку. Он молниеносно нанес удар по голове высокого парня. Другой, коренастый, быстро оценил обстановку и выскочил в дверь. Максим не стал его преследовать.

Максим пару минут переводил взгляд со связанной жены на лежащего без сознания почтальона, а затем хмыкнул, развязал ей руки и тем же безнадежно измятым галстуком связал руки бесчувственному разбойнику.

— Вот, значит, как мы проводим время, — запыхавшись, с агрессивно-угрожающей интонацией, сказал Максим.

Наташа лежала с закрытыми глазами и делала вид, что она без чувств. Женским чутьем понимала, что сейчас лучше помолчать. Он же недоверчиво посмотрел на жену (никогда такого не было, чтобы его слова оставались без ответа) и осторожно похлопал по щекам. Ее ресницы дрогнули, чуть приоткрытыми глазами она посмотрела на мужа и

решила еще немного побыть в обмороке. Пусть успокоится. Он же пошел на кухню, взял из холодильника пару бутылок пива и дрожащими руками отрыл пробку. Холодное пиво его действительно несколько успокоило, и он стал размышлять над ситуацией. Вызвать милицию? И что скажу? Грабитель сексуального профиля? Этот мальчик сразу же отопрется, скажет, что он ее любовник, а не грабитель. Но вот что скажет жена? Это вопрос. Думаю, представит дело, будто ее насильовали. Ей важнее сохранить так называемую семью. Но я-то, сидя в шкафу, все слышал. «Я вам не бесплатная шлюха. Что было, то было». Не отопрется. Но мне-то что выгоднее? Отпустить парня и развестись? Пусть лучше Светка овсяную кашу по утрам варит, чем вот такое. Да уж, блин, попал в капкан.

Он вышел в гостиную. Картина там несколько изменилась. Долговязый разбойник сидел на полу и пытался освободиться от галстука, елозя связанными за спиной руками о бронзовую накладку на ножке дивана.

— Спокойно, малыш, — произнес Максим слышанную в каком-то американском боевике фразу, — любишь кататься, люби и саночки возить. Хочешь еще получить? Нет? Тогда прекрати рвать мой галстук. Сто баксов платил.

Парень скосил глаза и зашмыгал носом.

Наташа по-прежнему лежала без движения.

— Ну и чего вылупился? Рассказывай, поведай мне все без утайки. Ты сюда ведь не в первый раз пришел? Жену трахал? Если не будешь врать, отпущу.

На диване тем временем произошло шевеление, и послышался легкий стон. Наташа решила, что обморок пора заканчивать.

— Ага, — сказал Максим, когда увидел, что жена открыла глаза, — запахло жареным, и мы очнулись.

Наталья оперлась руками о спинку дивана, делая вид, как это ей нелегко дается. Связанный грабитель морщил между тем скошенный лоб и размышлял, что ему выгоднее: сказать мужику правду, чтоб отпустил (хотя, вряд ли) или встать на сторону женщины, и тогда можно будет выпутаться вернее.

— Поверь мне, — сказала Наташа, — я этих негодяев в первый раз вижу.

— Я все слышал, — ответил Максим, — «что было, то было». Так что же было? Давайте-ка, колитесь, мне некогда. Два часа, как в засаде, в шкафу просидел, а дела не ждут. А не то вызову милицию.

— Я хотел только цепочку посмотреть, а она сразу в истерику. Никого мы грабить и насиловать не хотели. Почтальоны мы. Заказное письмо

принесли.

— Где письмо?

— В сумке.

Максим открыл сумку из кожзаменителя и действительно обнаружил там несколько писем, среди которых было и ему адресованное, из налоговой инспекции.

— Странные вы почтари. А зачем связали? Чтобы удобнее было цепочку смотреть? Впрочем, я не следователь, чтобы во всем этом разбираться.

Он взял мобильник и набрал номер брата.

— Юра, тут такое дело... Грабителя, понимаешь, поймал у себя в квартире. Он тут у меня связанный сидит. Не хочу затевать официального дела, сам понимаешь. Позвони Макарову, пусть приедет. Ага, ну давай, перезванивай.

Наталья встала с дивана, подошла к большому зеркалу в вычурной резной раме, изображавшей виноградную лозу, причесалась, оправила на себе платье. Ей были явно невыгодны показания связанного любовника. Скорее всего, он «расколется», то есть скажет правду, и тогда развод неизбежен. Она подошла к мужу вплотную, посмотрела ему в глаза и тихо сказала:

— Раз ты мне не веришь, нам незачем жить вместе. Я уйду.

Она из опыта знала, что Максим раскричится,

будет расшвыривать одежду и применит силу, если она попытается уйти из дома. Расчет был на то, что когда они будут скандалить, молодому человеку легче будет ускользнуть. Но ожидаемой реакции не последовало. Муж лишь слегка усмехнулся и пошел на кухню, где взял широкий стакан, побросал туда льда и затем наполнил до половины виски.

Тем временем Наташа подошла к связанному почтальону, приставила палец к губам и затем погрозила ему кулаком. А он сделал ей знак глазами и безмолвно артикулировал губами, давая понять, чтобы она развязала галстук. Боязливо оглянувшись, Наташа приблизилась к нему. Быстро развязала узел, и в тот момент, когда Максим появился в дверях кухни со стаканом виски, почтальон уже открывал входную дверь, и через секунду стук его башмаков забарабанил по лестнице.

Максим с досады бросил стакан об пол, но тот не разбился и с грохотом покатился по паркету, разбрызгивая коричневую жидкость, а кусочки льда с шумом разлетелись по углам.

Наташа, оберегая ноги, прыгнула на диван и закричала:

— Сумасшедший!

— Конечно, с тобой не только с ума съедешь.

Ну и как ты теперь будешь выкручиваться?

— А что ты от меня хочешь услышать? Что

этот грабитель и насильник — мой любовник?

— Слушай, не строй из себя дурочку. Если этот парень, как ты говоришь, грабитель и насильник, то зачем ты его развязала и выпустила?

— Я?

— Да, я отчетливо видел, как ты развязала на его руках мой галстук. Не отпирайся. Теперь мне все ясно. Никакие это не грабители или насильники.

— Не грабители и не насильники? А зачем же тогда они меня связали?

— Дорогая, я ведь все слышал: «я вам не бесплатная шлюха, что было, то было». Ну и давай выкладывай, что было, а чего не было.

— Ничего не было. Это почтальоны, которые вымогали у меня деньги и грозились изнасиловать.

— Опять сказка про белого бычка. Мне это надоело. В конце концов, я не следователь. Вот сейчас приедет оперативник, ты ему все и расскажешь. А я от тебя уйду.

Наталья, не сказав ни слова, прошла в свою комнату и громко хлопнула дверью. Максим пошел на кухню и повторил операцию со льдом и виски.

Через полчаса раздался дверной гонг, и пришли Макаров и уже известная нам Надежда Ивановна. Игорь Андреевич был одет в поношенную серую куртку и обвисшие на коленях джинсы. Он бросил на диван черную сумку и стал осматриваться. Надежда Ивановна закурила.

— Рассказывайте, — сказал Макаров, — подробно и по порядку.

— Пусть сначала она, — Максим махнул рукой в сторону вышедшей из комнаты жены, — а уж потом я поделюсь своими наблюдениями.

Наташа молчала, поэтому Макаров пристально и долго на нее смотрел, потом повернулся в сторону Максима:

— Она, что, дар речи потеряла?

Максим пожал плечами, а она зябко поежилась и, потупясь, рассказала, что двое молодых людей, почтальоны, вошли сегодня в квартиру, связали ее, и один из них попытался снять с нее золотую цепочку с бриллиантом. Максим тем временем размышлял, стоит ли ему выносить, что называется, сор из избы. И решил подыграть жене. Сказал, что был в это время в настенном шкафу, искал камуфляжную куртку для рыбалки, услышал звонок в дверь, затем мужские голоса и крики жены. Взял хоккейную клюшку, вышел из шкафа и увидел Наташу связанной на диване, а рядом двух молодых людей. Один сразу убежал, а второго он ударил клюшкой. Развязал жену, а затем связал парня. Но когда ходил на кухню, чтобы налить себе выпить, тот сумел освободить руки и удрать. Вот и все.

Макаров взглянул на Надежду Ивановну и сказал:

— Ну, что скажете? Похоже, те же самые?

Надежда Ивановна погасила сигарету и ответила:

— Возможно. Посмотрите, — обратилась она к Наталье, — нет ли здесь ваших незваных гостей?

Она вынула из сумки несколько фотографий. Наташа внимательно их рассмотрела и неуверенно пожала плечами. Оно и понятно — с одного из снимков на нее смотрел любовник. А Максим сразу и уверенно ткнул пальцем в одну из фотографий. Надежда Ивановна всплеснула руками и воскликнула:

— Так я и думала! Вот, товарищ майор, — обратилась она к Макарову, — это тот самый, который очень быстро бегаёт. Все соседи вчера это отмечали. Как мотоцикл носится. Ай да бегун! Везде поспел.

Майор взял снимок, посмотрел и сказал:

— Ну что ж, надо брать. Надежда Ивановна, надеюсь, у вас есть его координаты?

— Ну конечно.

— Вот что, — заключил Макаров, — если они еще раз сюда явятся, попытайтесь их задержать и дайте нам знать.

Максим кивнул, а Наташа вытянула шею и сделала удивленное лицо:

— Как я их задержу? У меня пистолета нет.

Максим усмехнулся и сказал:

— У тебя, дорогая, есть оружие покруче.

Эти слова привели Наташу в негодование, и она, уничтожая мужа взглядом, вышла из гостиной, с силой захлопнув дверь. Надежда Ивановна укоризненно посмотрела на Максима. Из чувства женской солидарности она была на ее стороне и чувствовала себя также оскорбленной.

Когда оперативники вышли из квартиры, Игорь Андреевич сказал:

— Еще раз напоминаю вам, Надежда Ивановна, азбуку следователя: подозреваемый не должен знать плана ваших действий.

— А разве вы кого-то из супругов подозреваете?

— Да. Жена нашего бизнесмена чего-то не договаривает. У нее явно рыльце в пушку. И вообще тут много неясного. Невесту его брата изнасиловали, а жену — попытались. Так, по крайней мере, вырисовывается. Самая простая тут версия — ему мстят конкуренты. Но своеобразным способом, без крови. Затем эта история с гинекологом. Там ведь тоже участвовала невеста брата. То ли ее хотели изнасиловать еще раз, то ли совпадение. Думаю, на эти вопросы нам поможет ответить ваш молодой человек, студент. Если мы его разыщем, конечно.

Надежда Ивановна слегка покраснела и рассмеялась:

— Да уж постарайтесь!

Макаров посмотрел на нее с некоторым удивлением и покачал головой.

— А что касается истории с гинекологом, — продолжила оперативница, — то тут все ясно: Переделкина хотела от эксперта только справку об изнасиловании, и ничего больше. И хотела за это заплатить тем, что у нас называется «по обоюдному согласию». Вряд ли ее насиловали. Сама привела мужика с дискотеки.

— Может быть, может быть... Так как фамилия подозреваемого?

— Древяскин Михаил Дмитриевич. Зарегистрирован на 12-ой линии Васильевского острова.

— Поезжайте туда с группой. И будьте предельно осторожны. Порасспросите сначала соседей и все прочее, сами знаете.

— Ясное дело, не в первый раз.

— Ну, надеюсь на успех, до встречи.

И Макаров сел в «девятку» серого цвета и укатил.

6

Когда Максим появился в офисе, секретарши в приемной не было. Он удивленно пожал плечами и вошел в кабинет, где ее и увидел. Она лежала на

диване со связанными руками, рот был заклеен скотчем. Юбка задрана до пупка, а трусики валялись на полу. Ну и ну, подумал он, что ж это такое происходит? Галлюцинация? То же почти самое он наблюдал в своей квартире три часа назад. Максим быстро снял с лица секретарши липкую ленту и развязал узенький светлый поясok из кожи, каким были связаны ее руки.

— Что, что произошло?! — истерично выкрикнул он.

Светлана стала тереть щеки вокруг губ, из глаз потекли слезы. Она долго рыдала у него в объятиях, а потом, зареванная, с красными глазами, ушла в дверь за письменным столом, где была душевая.

Вернувшись, рассказала, что вскоре после десяти утра в приемную вошли двое молодых людей. Один — высокий и симпатичный брюнет, а второй — немного ниже ростом, крепкий, накачанный, с короткой стрижкой, ну в общем, вроде охранника. Который повыше встал у закрытой двери, а этот, охранник, ни слова не говоря, подошел к ней, выключил компьютер и сказал, что если она пикнет, то он ей выбьет зубы. Схватил за руку и поволок в кабинет. Там они вдвоем ее изнасиловали, а потом сняли с груди золотой крестик, вытащили из ушей серьги, связали и ушли.

Максим спросил, не рылись ли они в бумагах? Она пожала плечами и сказала, что не видела, но, может, что-нибудь прихватили из приемной, когда уходили.

Они вышли из кабинета и осмотрели приемную. На первый взгляд, все было на своих местах. Максим задумался, покачал головой и взял телефонную трубку. Затем положил ее обратно и спросил:

— Ты их раньше никогда не видела?

— Нет.

— Точно? Подумай.

Света наморщила лобик и покачала головой:

— Ну, не знаю. Хотя... Вот длинный который, его я, кажется, на дискотеке видела. Так он классно танцевал, просто все обалдели. Освободили ему круг, а он такой брейк выдавал, просто заглядение. А может, и похож просто, не знаю.

— На дискотеке, говоришь? А где, точнее?

— На Васильевском, недалеко от Среднего, там, где такой смешной магазинчик...

— Ладно, — прервал ее шеф, — это ты следователю расскажешь.

— Максим, а может не надо следователя?

— Как это? Тебя что, не насиловали, не грабили?

— Да, но тебе-то эта история не повредит?

— Такая же история случилась утром у меня

дома. Наташку точно также связали и попытались изнасиловать. Хорошо, что я оказался дома. И там тоже были двое, и по твоим описаниям, они очень похожи. Так что все это очень странно.

Он взял трубку и позвонил Макарову. Тот приехал через полчаса и допросил Свету. Когда Макаров и Максим Павлодаев уединились в кабинете, майор сказал:

— Это просто какая-то мистика. Если это те же преступники, то мне непонятно, как они могли с интервалом в четверть часа совершить два преступления в разных районах города. Вряд ли это те, кто покушался на вашу жену.

— А мне почему-то кажется, что это те же самые. И почему в четверть часа? Ко мне в квартиру они зашли в девять сорок пять, убежал этот длинный примерно полчаса спустя, то есть в десять пятнадцать, а здесь они появились без четверти одиннадцать, если верить Светлане Евгеньевне (он не хотел афишировать свою связь с секретаршей, поэтому и называл ее по имени-отчеству). Так что, уважаемый детектив, давайте, как говорится, сверим часы.

Макаров рассмеялся и ответил:

— Допустим, что за полчаса можно добраться от вашего дома до офиса на автомобиле, но была ли машина у преступников? Хотя, на метро быстрее. Так что я готов допустить, что это те же самые, но с

психологической точки зрения, это у меня в голове не укладывается. С трудом сбежав с места преступления, совершить то же самое вновь практически сразу же? Это, знаете, как-то странно, мягко говоря.

— Человеческие характеры слишком разнообразны. Ну, это, как говорится, лирика. У меня создалось впечатление, что эта серия происшествий с женщинами кем-то специально спланирована и направлена против меня. Смотрите, сначала насилуют невесту брата, затем пытаются сделать то же самое с моей женой, а теперь вот пострадала и секретарша. Кстати, Игорь Андреевич, а вы показали фото преступника Светлане?

— А у меня его нет. Снимок у Надежды Ивановны, которая сейчас едет на место его прописки.

— Жаль. А так бы все сразу встало на свои места.

— Подождем. А вы, Максим Рустамович, не берите все это слишком глубоко в голову. Мы сами разберемся. Ваша версия весьма любопытна. Вообще мне самому все это кажется крайне интересным с точки зрения моей профессии. Займусь сам, и, будьте уверены, преступники будут найдены.

— Надеюсь.

— Но давайте еще немного поговорим. У

меня такое ощущение, что женщины блефуют. Что касается Марии Переделкиной, уж вы простите, она просто откровенно лжет. Это уже и теперь ясно. Вы в курсе этой истории с экспертом-гинекологом? Брат вам рассказывал?

— Да, я об этом знаю.

— Так вот. У меня возникло подозрение, уж вы меня простите, что в истории попытки изнасилования вашей жены тоже есть странные нюансы. Допустим, она без опасения открыла дверь двум молодым людям, зная, что вы дома. Но остается непонятным, как она оказалась связанной на диване? Вы сказали, что были в шкафу, где что-то искали, когда услышали звонок, мужские голоса и крики жены, и вы вышли и сразили одного из насильников клюшкой. Но для того, чтобы связать сопротивляющуюся женщину, я-то знаю, требуется не одна минута. Даже двум крепким и сильным молодым людям. У меня сложилось впечатление, что вы не сразу пришли на помощь своей жене. И хотел бы узнать у вас: почему?

Максим молчал. Он не знал, как поступить. Если признается, что оказался в шкафу с целью уличить жену в супружеской неверности, то вовлечет себя в неприятный процесс дознания, допросов, и ему придется рассказать о своих отношениях с женой, подозрениях и прочем, о чем не хотелось бы распространяться. С другой

стороны, он тяготился браком, все больше привязывался к Светлане, и этот случай поможет ему оправдать развод и так далее. К тому же следователь все равно не верит, что я искал в шкафу куртку. И Максим решил во всем признаться. Выслушав его рассказ, Макаров удовлетворенно кивнул головой и сказал:

— Так я и предполагал. Ну а теперь у нас на рассмотрении третья жертва, ваша секретарша. Я не очень уверен, что она была не знакома с преступниками. Также сомневаюсь, что ее насильно затащили в кабинет. У вас в офисе десятки сотрудников, и наверняка кто-нибудь услышал бы ее крики. О том, что она успела крикнуть, прежде чем ей заткнули рот, сама только что сказала. К тому же как-то неуверенно ответила на вопрос, знакомы ли ей преступники. Но я полностью согласен с вами, что тот факт, что эти сексуально-агрессивные преступления происходят вокруг вас, настораживает. И еще вопрос, будьте откровенны, ваша секретарша — ваша любовница?

Максим тяжело вздохнул и сказал:

— На этот вопрос я предпочел бы не отвечать.

— Понятно. Я бы тоже предпочел. Наша беседа не протоколировалась, так что у вас есть возможность внести любые коррективы в свои показания. Но я вам весьма признателен за откровенные и искренние ответы на мои вопросы.

Теперь у меня есть более или менее ясная картина действий преступников. И мы их отыщем, я вам это обещаю.

Майор Макаров встал с кресла, пожал Максиму руку, попрощался и ушел. А хозяин кабинета долго сидел за своим столом и размышлял о происшествиях сегодняшнего утра. Светлана вошла в кабинет тихо и незаметно, и когда приблизилась к столу, он вздрогнул от неожиданности.

— Максим, — сказала она, — следователь мне сейчас сказал, чтобы я написала заявление и пошла бы на обследование.

— Ну и что? Действуй.

— А может не надо?

— Почему?

— Ну, это ведь повредит твоей репутации. Если начнется разбирательство, все узнают, и мне бы тоже не хотелось, понимаешь...

— Понимаю. Но поезд, как говорится, уже ушел. Что было, то было. И два раза за сегодняшнее утро. А тебе советую написать заявление. Так будет лучше.

— Ну, не знаю. Думаю, лучше это замять. Все эти допросы, а потом суды. Не хочу светиться на публике, как изнасилованная. Я ведь еще не замужняя девушка.

— Намек понял. Но я получил сегодня

двойной удар. Когда ехал сюда, думал, что домашнее происшествие дало мне свободу, однако, недаром говорят, что история повторяется дважды. Вот и в нашем случае она обернулась фарсом.

— Что ты имеешь в виду, дорогой?

— То, что уже сказал. Жена меня уверяет, что ее пытались изнасиловать, но тебе открою истину: я сидел в шкафу и своими ушами слышал, что мальчиков этих, Наташка знает не первый день, и они пришли ее не насиловать, а развлекаться вместе с ней.

— Ага, вот оно что. Тогда понятно.

— Мне тоже понятно. И я вот думаю: а ты не врешь, как Наташка?

— С чего бы?

— А вот не знаю. Когда сюда ехал, думал, ну вот, теперь к Светке перееду. Повод имеется. А Светка, как и Наташка, связанная тут лежит! И оттраханная! Все вы одинаковы! Не верю я тебе. Что-то тут не так. Что-то кем-то вокруг меня плетется. Но вот с какой целью?

— Ну не знаю, милый мой, спала ли по доброй воле твоя жена с этими ворами, но я тебе не вру. Я их первый раз видела. И сережек жалко. Твой подарок.

Максим посмотрел на нее долгим взглядом, поджал губы и углубился в изучение лежащих на столе бумаг.

Тем временем Надежда Ивановна катила по Большому проспекту Васильевского острова, приближаясь к предполагаемому месту жительства подозреваемого Древяскина. На 12-ой линии, возле краснокирпичного дома с выступающими наличниками и подоконниками, выкрашенными в белый цвет, она остановила машину и вошла в подъезд. Надежда Ивановна, вопреки приказу начальника, не взяла с собой сотрудников не случайно. Ей хотелось, не привлекая внимания, выяснить, живет ли здесь Древяскин или просто зарегистрирован, а уж потом принимать меры по его задержанию. Впрочем, она намеревалась прежде свести знакомство с подозреваемым, представившись мастером из ЖЭКа, и попытаться кое-что разузнать таким способом.

В парадную она попала лишь после нескольких попыток нажатия кнопок на домофоне. Жильцы, в основном женщины, говорили, что не будут открывать, кому попало. А если она из ЖЭКа, то у нее должен быть свой ключ. Но какая-то старуха все же открыла, и Надежда Ивановна попала в довольно чистую парадную со старинным камином. Он был когда-то мраморным, но теперь был покрашен такой же, как и стены,

зеленой масляной краской. Она позвонила в квартиру на первом этаже, и через пару минут приоткрылась дверь и оттуда высунулась женская голова с бигудями в волосах.

— Вам кого? — спросила женщина.

Надежда Ивановна, под курткой у которой была серая рубашка с тремя звездочками на плечах, показала свое удостоверение сотрудника милиции и сказала:

— Не беспокойтесь, я вас надолго не задержу. Всего пара вопросов.

В просторной кухне, где между тремя газовыми плитами стояли выдавшие виды облупленные столы, Надежда Ивановна присела на табурет с узкой дырой в середине и закурила. Немолодая женщина переминалась с ноги на ногу и не очень приветливо смотрела на следователя в юбке. Наконец она не выдержала и сердито спросила:

— Что случилось-то? Вроде скандалов в последнее время не было.

— Нет-нет, — ответила Надежда Ивановна, — не беспокойтесь, я не участковый. Скажите, вы здесь давно живете?

— С детства. Родители, когда с Урала приехали сюда работу искать, мне пять лет было. С тех пор тут и живу.

— Всех соседей знаете?

— А кого вам надо?

— Кто живет в десятой?

— В десятой? На третьем этаже? Валентина Петровна с сыном, Евгения Эдуардовна с мужем и дочками, у них две, школьницы. Семен Наумович переехал к жене, а комнату сдал какому-то студенту. Вот и все. В десятой только три комнаты, это у нас тут шесть, в выходные дни не протолкнуться.

— А студент этот здесь постоянно живет?

— Это уж я не знаю. Видела в последний раз недели уж как три назад. Может, и переехал. Не спрашивала.

Следователь вынула из сумки фотографию и показала женщине, которая в это время вынимала бигуди из светлых волос.

— Этот?

Та прищурилась и с улыбкой ответила:

— Он. Шустрый парень.

— Спасибо. Квартира на третьем этаже?

— На третьем.

Надежда Ивановна поднялась на третий этаж. Дверь открыла темноволосая смуглая девочка лет десяти и спросила:

— Вы к кому?

— Взрослые есть кто дома?

— Нет. Только мы с Лялькой.

— Лялька — это кто? Сестренка?

— Ну да. А вы кто?

— Я из ЖЭКа, хочу счетчики проверить.

Надежда Ивановна вошла в квартиру и осмотрелась. Много раз крашенные двери, словно панцирем, были покрыты грязной коростой, и стальные ручки, побуревшие и на вид липкие, вызывали брезгливость, к ним не хотелось прикасаться. Одна из дверей была открыта, и оттуда шел запах дешевых духов и ванили. Оттуда вышла семилетняя девочка в красном платье. Первоклассница Лялька посмотрела на неожиданную гостью и шмыгнула обратно в комнату. Следователь усмехнулась, подошла к черному счетчику, висевшему в углу на изодранных цветастых обоях, мельком на него глянула и, для отвода глаз, сделала запись в блокноте.

— Тебя как зовут? — Спросила она девочку.

— Меня? Светка.

— Ладно, малышка, все в порядке. А у вас счетчики в каждой комнате?

— Ну да.

Надежда Ивановна зашла в открытую комнату, где стояла неубранная широкая кровать с облупленными спинками из ДСП, двухъярусные деревянные нары для девочек, круглый стол, покрытый скатертью, а на нем рядом с невымытыми тарелками лежали тетрадки и учебники. Обычная картина для питерской коммуналки. Она

посмотрела на счетчик, автоматически переписала цифры в блокнот. И тут послышался звук открываемой двери, и затем щелчок закрывшегося замка. Старшая девочка выглянула в дверь своей комнаты и сказала:

— Это дядя Миша пришел.

Между тем послышался звук вставляемого в замок ключа. Ага, подумала следователь, на ловца и зверь бежит. Она вышла в коридор и подошла к нужной двери. Прислонила к ней ухо, и хотела было заглянуть в замочную скважину, но ее не оказалось, потому что замок тут не врезной, а накладной, так называемый французский. Тогда она тихонько постучала. Через минуту дверь слегка отворилась, и в щели появилась голова молодого человека.

— «Петросвет», — сказала Надежда Ивановна, — проверка счетчика.

Голова молодого человека каким-то образом сумела повернуть себя на 180 градусов, так, что виден оказался только затылок. Затем появился профиль, который и произнес:

— А я здесь не хозяин. И никакого счетчика не вижу.

— Впустите, — повелительно сказала следователь, — я сюда не в жмурки пришла играть.

Молодой человек распахнул дверь и шутливо поклонился:

— Прошу вас.

Комната оказалась небольшой и почти пустой: диван-кровать с потертой обивкой неопределенного зеленовато-оливкового цвета, маленький письменный стол светлого дерева и два облезлых стула из фанеры. Под столом виднелась спортивная сумка, а на стенах висела одежда. Надежда Ивановна села у стола и кивнула парню, чтобы тот тоже присаживался. Но он продолжал стоять, сложив на груди руки, и внимательно смотрел на нее темными глазами.

— Я из милиции, — сказала она, — а не из «Петросвета». Вы Древяскин Михаил Дмитриевич?

— Так точно. Это я.

— Вот что, Михаил Дмитриевич, вы подозреваетесь в нескольких случаях ограблений и изнасилований. Для официального допроса, снятия отпечатков пальцев и других способов идентификации, вам придется проехать со мной в отделение милиции. Одевайтесь. Не забудьте взять паспорт. Покажите его мне, кстати.

— А с какой стати? По-моему вы ошибаетесь, принимаете меня за кого-то другого. У вас есть ордер на мой арест?

— Это не арест, а задержание. Как сотрудник милиции, я имею на это право.

Он пожал плечами, подошел к столу, открыл ящик, достал оттуда паспорт и положил перед

следователем, коснувшись при этом ее руки. Она вздрогнула и покраснела. Взяв в руки паспорт, она глянула в его нагловатые глаза и с ужасом почувствовала, что краснеет все больше и произвольно отвернулась.

Между тем Дервяскин сел на стул и стал обувать кроссовки. Надежде Ивановне они показались довольно странными: очень большого размера и на высокой подошве с высоко загнутыми носками.

Студент засунул в рюкзачок какие-то тетради, пару книг, футболку, куртку, сходил в ванную за пастой и зубной щеткой, взял ключ и с тем же галантно-шутливым поклоном открыл перед Надеждой Ивановной дверь. Когда они вышли на улицу, следователь показала ему на стоявшую у тротуара серую машину. Но тут модой человек сорвался с места и с невероятной скоростью побежал по тротуару. Народу в тихом старом квартале было мало, и поэтому Дервяскин беспрепятственно завернул за угол и скрылся.

Да уж, подумала она, этот симпатичный юноша действительно быстро бегает, свидетели не врут. Надежда Ивановна не слишком огорчилась молниеносным исчезновением подозреваемого, отнюдь, была даже рада, что он избежал, таким образом, ареста. Ее грызло лишь то, что была кое-как одета и без макияжа. А то бы, подумала,